

СИрения

**НОВЫЙ ГОД
В ОГНЕННОМ МИРЕ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С40

СИрения

С40 Новый год в огненном мире / СИрения – М.: Литнет, 2025. – 152 с.

ISBN 978-5-521-94826-0

Новый год — моё любимое время: платья, гирлянды, утренники. Но в этот раз всё пошло не по плану. Один неверный шаг — и я в огненном мире. Здесь вместо Деда Мороза — два скучающих красавца, а вместо снежинок — летающие угли. И самое нелепое? Они приняли меня за Снегурочку! Ну что ж... Если я их "посланица зимы", то почему бы не устроить им настоящую вьюгу? Пусть этот огненный мир узнает, на что способна женщина, которую втянули в спектакль без её согласия.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94826-0

© Литнет, 2025
© СИрения, 2025

Глава 1

Алина

Последняя снежинка из фольги упорно не хотела приклеиваться к стеклу. Я прижала ее посильнее разогретым пальцем, зашипевшим от соприкосновения с холодным оконным стеклом, и с облегчением выдохнула: держится. Теперь актовый зал детского сада «Журавлик» был готов. Бумажные гирлянды, мишура, нарисованные детскими руками снеговики на стенах и вот это самое окно, за которым якобы бушевала метель. Смотрится почти как настоящая зима, если не знать, что за настоящим окном, в реальном мире, с утра моросил противный буро-серый дождь, превращающий сугробы в грязную кашу. Типичный пейзаж для конца декабря в городе, где зима давно забыла, что такое белый снег.

«Журавлик» было моим вторым домом уже три года. Не то чтобы я с детства мечтала о фартуке с медвежатами и вечных разборах драк из-за лопатки в песочнице. Но после того, как родители уехали в другой город, а затем, тихо ушли в мир иной друг за другом, эта работа стала моим якорем. Здесь меня любили. Искренне, по-детски, обнимая за колени липкими от компота ручками. Здесь я была нужна.

Я отступила на шаг, чтобы полюбоваться на свою работу. Да, красиво. Волшебно. Именно так, как должно быть в Новый год для них, для моих «почемучек». Для двадцати пяти пар восторженных глаз, которые увидят это преображение.

– Алина Сергеевна, вы уже в костюме? – в зал заглянула заведующая, Наталья Петровна, с вечно озабоченным видом и пачкой бумаг в руках. – Родители начинают подходить.

– Сейчас, Наталья Петровна! – я рванула к костюмерной, сгребая по пути разбросанные ножницы и остатки скотча.

Мой костюм Снегурочки висел на самом видном месте. Небогатый, самодельный, но с душой. Голубое платье, отороченное белым искусственным мехом, кокошник, расшитый блестками, и белые сапожки на два размера больше, чтобы надеть на теплые колготки. Я натянула платье, поправила парик с длинной белой косой и посмотрела на свое отражение в темном окне. Немного бледно, глаза горят от усталости. Но для них я буду самой настоящей волшебницей.

Из-за двери уже доносился гул голосов, топот маленьких ног и взволнованные возгласы родителей. Мой выход был через пять минут. Я закрыла глаза, пытаюсь войти в роль. Я – внучка Деда Мороза. Я пришла из сказки. Из страны, где всегда идет пушистый снег, воздух звенит от мороза, а в каждом окошке горят огни... Где-то там, далеко-далеко, должно быть, именно так и есть.

– Алина Сергеевна, мы начинаем! – прошептала мне в ухо музыкальный руководитель Лидия Ивановна, и я, вздрогнув, пошла за кулисы.

Зал аплодировал. Горели огни гирлянд. Дети, наряженные зайчиками, снежинками и одним очень упрямым Человеком-пауком, сидели на стульчиках, широко раскрыв глаза. Сердце защемило от нежности. Вот он, мой скромный мирок. Моя вселенная. Музыка зазвучала тише, настал мой черед.

– Где-то в чаще дремучей, средь сугробов и льдин, живет девочка из льдинок, ее зовут...

Дети дружно прокричали: «Снегурочка!»

Я вышла на сцену, улыбаясь во все тридцать два зуба.

– Здравствуйте, мои дорогие! С Новым годом!

Я вела хоровод, раздавала детям шуточные задания, подпевала, когда они сбивались с мелодии. Рутинная. Привычная, любимая рутина. Но сегодня что-то было не так. Воздух в зале казался гуще, гирлянды горели как-то слишком ярко, почти ослепительно. Я списала это на усталость и предпраздничную суету. И вот настал кульминационный момент. Я встала в центр зала, чтобы спеть свою

коронную песню – тихую, лирическую про зимнюю сказку. Дети притихли. Родители подняли телефоны, чтобы снять видео.

Я сделала глубокий вдох и начала.

– Снег-снежок, кружится, ложится... И в этот момент я поймала на себе чей-то взгляд. Не родительский. Не детский. Такого взгляда я никогда не видела. Он был тяжелым. Плотным. Как будто на меня смотрели сквозь толщу воды или задымленное стекло. Я сбилась, на секунду замолчала, пытаюсь понять, откуда он.

Но вокруг были только улыбающиеся лица. Я тряхнула головой, собралась с мыслями и снова запела, уже громче, пытаюсь заглушить нарастающее внутри странное чувство тревоги.

– Все дороги замело, к нам метель пришла... – продолжила я.

И тут воздух задрожал. Не метафорически, а по-настоящему. Сначала тихо, едва уловимо, словно где-то далеко проехал тяжелый грузовик. Но вибрация нарастала. Задребезжали стекла в импровизированном окне, с карниза посыпалась мишура. На лицах детей появилось недоумение, а потом и страх. Родители забеспокоились, озираясь.

– Что это? Землетрясение? – кто-то испуганно выкрикнул.

Но это было не землетрясение. Это было что-то другое. Воздух в центре зала, прямо передо мной, начал искриться и плавиться. Появилась золотистая дымка, пахнувшая незнакомым. Сладковатым дымом, теплом и чем-то острым, пряным. Как корица и перец.

Я замерла на месте, не в силах пошевелиться. Меня сковал не страх, а какое-то ошеломляющее, почти мистическое любопытство. Дети завопили. Кто-то из родителей рванул ко мне, но его отбросила невидимая сила.

В эпицентре золотистого марева начали проступать очертания. Два высоких, невероятно высоких силуэта. И глаза. Две пары глаз, горящих, как угли. Одни – холодным, пронзительным зеленым светом, другие – ярким, почти алым пламенем.

И я вдруг поняла, что это не случайность. Они смотрят прямо на меня. Их неведомый, могущественный взгляд притягивал, как магнитом. Раздался оглушительный треск. Лопнули лампочки в гирляндах, и зал погрузился в полумрак, освещаемый только этим жутким, прекрасным золотым порталом. Сила, исходящая от него, схватила меня за грудь и потянула вперед. Я услышала свой собственный голос, сорвавшийся в крик, но не от ужаса, а от невыразимого, дикого изумления. Мои ноги оторвались от пола. Мир вокруг поплыл, превратился в калейдоскоп испуганных лиц, обрывков музыки и летящей мишуры. Последнее, что я успела подумать, прежде чем сознание поплыло и меня втянуло в воронку из света и тепла, было абсолютно идиотское: «Боже мой, я же еще не допела песню...»

А потом не стало зала. Не стало детского сада. Не стало дождя за окном. Был только оглушительный гул в ушах, вихрь из сверкающих частиц и тот странный, пьянящий запах пепла и корицы. И четыре горящих глаза в темноте, которые ждали.

Глава 2

Кассий

Тысячелетнее правление в Пекле имело один вопиющий, фундаментальный недостаток, который ни в одном из манускриптов не упоминался с должной откровенностью: немислимая, всепоглощающая, разъедающая душу скука. Я сидел в своей библиотеке, в кресле, высеченном из окаменелой лжи какого-то давно забытого ересиарха, и перебирал свитки. Пыль веков оседала на пальцах, и я с отвращением стряхнул ее. Я знал каждый фолиант в этом зале, каждую проклятую руну, каждый стон, запечатанный в кристаллах памяти. Я, Кассий, Повелитель Тлеющих Свитков, Хранитель Пыльных Фолиантов и Протоколов Вечной Муки, был самым образованным и самым несчастным вождем во всех девяти кругах.

Мой брат, Тайрон, усугублял положение. Он лежал посреди зала, раскинувшись на шкуре зверя, которого сам же и победил пару веков назад, и с тоски метал в потолок сгустки адского пламени. Каждый шар огня с грохотом разбивался о базальтовые своды, осыпая нас искрами и горячей каменной крошкой.

– Прекрати, – буркнул я, отряхивая с пергамента черную сажу. – Ты портишь архивный воздух. И осыпаешь мои свитки вулканическим пеплом.

– Скучно, Кассий! – проворчал Тайрон, не прекращая своего занятия. Его голос был похож на отдаленный гром под землей. – Ску-учно! Когда мы в последний раз захватывали мир? Разрушали цивилизацию?

– Три столетия, четыре месяца и пять дней назад, – автоматически ответил я. – И ты тогда перестарался, все закончилось слишком быстро. Я же советовал растянуть удовольствие.

– Видишь! – Тайрон сел, и его пламенные глаза сузились от досады. Его рога, массивные и закрученные, казалось, излуча-

ли жар. – Я задыхаюсь от этой рутины! Лава течет, пески сыпятся... Все одно и то же. Цикл повторяется. Нужно что-то новое. Острое. Яркое.

– Предлагай, – я с надеждой отложил свиток. Может, он все-таки придумает что-то, что не будет связано с тотальным разрушением.

Тайрон нахмурился, и по его лицу было видно, как напрягаются извилины.

– Давай... сожжем архив?

Я просто посмотрел на него. Без слов. Этого было достаточно.

– Ладно, плохая идея, – он сдался и снова повалился на шкуру. – Тогда придумывай ты. Ты же у нас умник.

Отчаяние начало медленно подниматься по моей шее, словно петля. Он был прав. Монотонность была невыносима. Нам нужно было что-то, совершенно выпадающее из нашей вечной колеи. Что-то... извне. И тут меня осенило.

– Тайрон, – сказал я, и в моем голосе прозвучала нота, заставившая его повернуть голову. – Ты абсолютно прав. Нам нужно нечто принципиально новое. Не из нашего мира.

– Чужой мир? – он оживился. – Наконец-то! Кого будем завоевывать? Эльфов? Людей? Этих противных сияющих существ с крылышками?

– Нет, – я поднялся с кресла и прошелся между стеллажей. Возбуждение начало разогревать мою кровь, заставляя ее бежать быстрее. – Не завоевывать. Я говорю о... импорте. О традиции.

Тайрон смотрел на меня так, будто я предложил ему заняться вязанием.

– Традиции? Кассий, ты сошел с ума от своей пыли?

– Послушай, – я остановился перед ним, и мои зеленые зрачки, сузившиеся в вертикальные щелочки, светились одержимостью. – Я наткнулся на один любопытный манускрипт. С Малого Мира, того, что зовется «Земля». У них там есть ритуал. Годовой. Они отмечают конец одного временного цикла и начало другого. Они называют это... «Но-вый Год».

– И что в этом интересного? – фыркнул Тайрон. – Время и так циклично. Мы это проходили.

– Ах, но как они это отмечают! – я уже почти ликовал, представляя его лицо. – Они украшают свое жилище горящими огнями – прямо как мы, кстати, но в миниатюре. Они дарят друг другу подарки, порой самые ужасные, что, несомненно, является формой тонкой пытки. Они готовят особые яства и напитки, от которых их разум дуреет и они совершают безумные поступки!

Тайрон наконец-то проявил некоторый интерес. Он приподнялся на локте.

– Безумные поступки? Это уже лучше.

– Но это еще не все, – я понизил голос, доводя интригу до пика. – Главный символ этого праздника – некий седовласый старец в красных одеждах, который, если я правильно понял, занимается массовым проникновением в жилища через дымоходы и оставляет там подарки. Попробуй сделай такое здесь – тебя же на копыа поднимут за нарушение суверенитета логова!

– Мне нравится этот старик! – Тайрон хрипло рассмеялся

– А еще, – я сделал паузу для эффекта, – У него есть спутница. Юная, прекрасная, изначально – жертва, принесенная богам, а ныне – просто символ. Ее зовут Сне-гу-роч-ка.

Я растянул имя, насыщая его тайной.

Тайрон перестал смеяться.

– Снегу... что? Какая еще «рочка»?

– Снегурочка. Дословно – «Снежная Девушка». По легендам, она воплощение льда, чистоты и... ну, в общем, неважно. Важно то, что она – неотъемлемая часть ритуала. Без нее праздник считается неполным. Недействительным.

Я видел, как в его пламенных глазах загорелись огоньки настоящего интереса. Не разрушения, а любопытства. Этого я и добивался.

– И что? Ты предлагаешь найти этого... Деда Мороза и заставить его работать на нас?

– Нет, – я улыбнулся, и моя улыбка была полна магических инсинуаций. – Я предлагаю лучше. Зачем нам посредник? Мы – вожди. Мы могущественны. Мы возьмем самое ядро традиции. Мы вызовем саму Снегурочку. Сюда. К нам. И устроим самый настоящий, аутентичный Новый Год. Представь: ее ледяная магия, контрастирующая с нашим пламенем! Ее чистота посреди нашей... гм... испорченности. Это будет гениально! Абсурдно! Весело!

Я почти задышался от восторга собственной идеи. Это было не просто развлечение. Это был академический интерес, доведенный до точки кипения. Тайрон молчал секунду, переваривая. Потом его лицо расплылось в медленной, широкой ухмылке, обнажив идеальные и очень острые зубы.

– Вызвать ледяную деву... в самое огненный мир? – он фыркнул, и из его ноздрей вырвался клубок дыма. – Кассий, это даже для тебя слишком жестоко. Она же растает, как... как что-то тающее.

– Вот потому-то это и гениально! – воскликнул я. – Мы создадим для нее иллюзию комфорта. Немного магии, несколько заклятий защиты от жара... Это же будет уникальный эксперимент! Проверить, сможет ли существо из чистой воды и снега выжить в нашем мире. А если нет... – я пожал плечами, – Ну, что ж, по крайней мере, это ненадолго развлечет нас.

Тайрон громко рассмеялся, и стены библиотеки задрожали.

– Ладно! Договорились! Вызываем эту Снежную Зайку! А то тут и правда уже хуже некуда. Что нужно делать?

– Нужно найти фокус, – объяснил я, уже лихорадочно роюсь в свитках с межмировыми схемами. – Якорь, который укажет нам дорогу прямо к ней. Что-то, что с ней ассоциируется. Идеально – если бы у нас был кусочек ее мира, ее магии...

И в тот самый момент, когда я произнес эти слова, я почувствовал едва уловимый толчок в ткани реальности. Слабый, как дуновение, зов. Кто-то надел маску Снегурочки и искренне, всем сердцем, захотел чуда.